

Дождь в степи

Над Аскизом-улусом (степной ли столицей?)
Наклонились дожди, словно мать над дитём.
Над Аскизом ненастье листает страницы
Славных дней и бесславья: день за днём, день за днём...

Мы из этих же мест, но из мира другого.
Понимаем... и всё же не можем понять
Их уклада (ни сельского, ни городского)
И дожди, словно боль головную, унять.

Врачеватели душ человеческих, не можем
Отпустить им, как в церкви, мирские грехи.
Как сказал бы поэт: «Мы прохожие тоже»,—
И всего лишь похожи на наши стихи.

Праздник

Шумит в райцентре праздник улицы,
Бурлит людской водоворот,
И в зеркалах дождей красуется
Весёлый сельский хоровод.

Прельщает песнями и танцами
(Толпа до зрелищ—напролом),
Но поэтессы абаканские
Грустят о времени былом:

Об Иренеке—храбром воине,
Герое и богатыре,
О вековой беспечной вольнице...
А праздник—вот он, на дворе.

Авось денёчек разгуляется,
Как дробный русский перепляс
Частушечный... и улыбается
В рубашке новенькой хакас.

Ему б чатхан достать, но сеется
Из тучи бусая вода,
И остаётся лишь надеяться
На милость Божьего суда.

Зря поэтессы наши дуются,
Коль жизнь сполна своё берёт...
Плывёт, как лодочка, по улице
Девчат задорный хоровод.

Концерт

Мы выступали в тёмных клубах,
В холодных школах деревень,
Но про любовь шептали губы
И в первый, и в последний день.

Не впопыхах и между делом
Клялись им верностью своей,
Хотя заполнились пробелы
В блокнотах строчками дождей.

Уютней становилось в зале,
Виднее, чем от фонарей...
И осветители роптали
Из-за никчёмности своей.

И все мы становились лучше
На злом смещении веков.
Тянулись родственные души
К волшебной зауми стихов.

Забыв про быт, простой и грубый,
Отодвигающийся в тень,
Мы выступали в тёплых клубах
И светлых школах деревень.

Хакасия

.....

Древних памятников не счесть—
То воинам, то правителям.
А где простые люди?

«Улуг Хуртуях тас»

«Большая каменная старуха»,
Покровительница материнства,
О чём думаешь, когда остаёшься одна?

Скрывают ковыли
Могилы воинов,
Хакасия, твоих.

● ● ●
О славных битвах
Рассказали нам
На стелах письмена.

● ● ●
Впитала много крови
Защитников своих
Хакасская земля...

● ● ●
Не потому ли
Так красна земля,
Что кровь альпов в ней?

● ● ●
Смотрю на горы.
Не через них ли
В рабство угоняли
Твоих детей, родная сторона?

● ● ●
О прадеды жены,
Ваш род был знаменит.
В болотах их могил не отыскать.

● ● ●
Салбык — как усыпальница царя
Доселе неизвестного народа,
Чей след истаял в глубине времён.

● ● ●
Бескрайних нет степей
На родине моей.
На горизонте горы и увалы.

● ● ●
Как страшен путь войны:
Зубцы могильных плит
Торчат по сторонам от автострады.

● ● ●
О богородская трава,
Ты снадобьем
Считаешься не зря.

● ● ●
Земля лежит,
Как мёртвый богатырь,
И только хищных вранов привлекает.

● ● ●
Грузовик с домашним скарбом
Опять покидает село —
Рыба ищет где глубже.

● ● ●
Моя земля, желанная для всех,
Вельми богата недрами своими.
В том и беда её...

● ● ●
Отвалы, опустыненный ландшафт,
Так хищники терзают жертвы тело.
Что внукам скажешь ты?

● ● ●
Тайга горит, пылают степь, дома...
С кем мы воюем?
Кто нам враг сегодня?

● ● ●
Татарник по обочинам дорог —
Как след от иноземного набега.
Чуть имена свои не потеряли.

● ● ●
Сто раз солги —
И всё тебе простят,
Лишь патриотом назовёшься.

● ● ●
Забыты письменность,
Культура земледельцев.
Зато мы Чингизидов чтим.

● ● ●
Безмянные камни в степи —
Редкий с петроглифом...
И за каждым — судьба.

● ● ●
Как крошки со стола,
Так от народа крохи,
Великий хан, ты свет в окне.

● ● ●
Под снег ушли
Пшеничные поля.
Полёвкам голод не грозит.

● ● ●
Пустеют в сёлах
Крепкие дома.
Так птицы покидают свои гнёзда.

● ● ●
Каменная старуха,
Дай второе дитя бедняку—
Получит материнский капитал.

● ● ●
Богатыри растворились в степи,
Баи в прошлое канули,
Оставив своих данников.

● ● ●
О юрте скучает кочевник,
Вспоминая кизячный дым,
Но живёт в современном доме.

● ● ●
«Моя Хакасия»,—
Как легковесно звучат слова
В устах случайного человека.

● ● ●
Борус седой, пятиглавый,
Сколько легенд о тебе!
Может, поделишься славой?

● ● ●
Пучок черемши у старушки
Сторгую за тридцать целковых.
Лекарство от всех болезней.

● ● ●
Жаркі—цветы тайги.
Вас нужно видеть,
Невозможно описать.

● ● ●
Жаркі—цветы предгорий.
Как будто угли кто
Рассыпал на полянах.

● ● ●
Малина, голубика
И черника—названья в цвет,
На вкус ещё приятней.

● ● ●
Чудесный ананас
Сибиряку с успехом
Заменил облепиха.

● ● ●
Что сделал ты,
Чтоб край сей расцвел,
И что не сделал?

● ● ●
С могилы древней
Камни за ограду
Скидали. Огород важней.

● ● ●
Стоят надгробья
Древние вдоль тракта,
Но ковыли, пожалуй, старше их.

У менгира

Корнями в землю
Намертво вцепились
Степные ковыли.

● ● ●
Свернули с трассы
К древнему Салбыку,
И время потекло назад.

● ● ●
Холодный ветер с гор
Последнее тепло
С долины Енисея выметает.

● ● ●
Стою перед менгиром,
Каменеет голова
От мыслей и гипотез.

● ● ●
Скакуны снятся тем,
Кто никогда не владел
Даже доброй собакой.

● ● ●
«Забываем язык»,—
Сетует горько хакас,
С детьми говоря по-русски.

Изенер, аным жох, алгыс—
Перенял лишь четыре слова
Я у тех, с кем живу полвека.

Сидя рядом с шофёром,
Всё время беседую с ним—
Иначе он заснёт за рулём.

В парке

На детской площадке
Изредка меняют
Деревянных истуканов.

Детская железная дорога—
Какой от неё доход,
Если по два-три пассажира?

Одиночество

На крыше скворечника
Озирается, не поёт,
Потерял подругу.

Одинокий бродяга
(Бродяга всегда одинок,
Даже когда в толпе).

Неухоженный, пожилой.
Где твоя жена, дети,
Где твои молодые годы?

Работы много,
Но в далёких городах,
А «шмурую» торгуют рядом.

Он, кажется, даже тёшу
Готов носить на закорках—
Такой услужливый.

Жена—гуляка:
Пьёт и сквернословит,
А всё ж любовь сильней.

Сосед при деле—
Лечится и пьёт.
Одно другому вовсе не мешает.

«Бесценна книга»,—думал я,
Пока не перевернул
Последнюю страницу.

В глазницах окон
Брошенных домов
Хозяева застыли как живые.

В моём селе
За домом дом
Ворует время.

Здесь жили те,
Кто хлебом нас кормил,
Теперь одни фундаменты чернеют.

Железный наконечник
Принёс мне агроном,
Нашёл на бывшем поле брани.